

Религиоведение – многозначный термин и концепт отечественной науки, философии и теологии, впервые составленный Л.Н.Толстым (1908), но вошедший в научное употребление с 30-х годов XX века в качестве обозначения советской версии «науки о религии», утверждавшейся в европейской культуре со второй половины XIX в., которая отечественными авторами была квалифицирована как чуждое «буржуазное религиоведение». Последнему была противопоставлена «стройная последовательная диалектико-материалистическая теория религии Маркса-Энгельса-Ленина» и, позднее, «раздел научного атеизма», призванные дать исчерпывающе полное описание феномена религии в его возникновении, развитии и «отмирании» и развитии соответствующих «практик».

Слово «религиоведение» в системе Google можно найти в 409 000 документах (на 01.12.2014). В ресурсе «Национальный корпус русского языка» можно обнаружить 10 документов и 12 вхождений, причем «пики» приходятся на 2002 (1), 2005 (2) и 1999 (3), т.е. это слово фактически появляется только в XXI веке.

В современном значении термин утвердился в 90-е годы XX века в качестве официального наименования образовательной специальности, направления и дисциплины перечня ВАК в Российской Федерации, отказавшись от «концепции отмирания» и став сегодня маркером всей сферы как «научных исследований религии», так и целого спектра «образовательных проектов», дистанцируясь от сфер «теологии» («конфессионального эксклюзивизма») и «народных стереотипов».

Этимологически термин «религиоведение» образован из слов с богатейшей семантикой, где многозначность латинского «religio» дополняется сложностью «ведения», восходящего к индоевропейскому словарю (*védā* – «знать») и историческим формам представлений о том, что является «знанием».

Термин «религиоведение» используется в современных публикациях для обозначения:

1. официального наименования образовательной специальности (направления) и области «научных исследований»;
2. раздела «теории научного атеизма» советского периода;
3. любым формам концептуализации «феномена религии» в философии, теологии («конфессиональном религиоведении») или «эзотерическом учении».

Начавшееся в 30-е годы XX века утверждение термина «религиоведение» происходило в период, когда в отечественной науке стала оформляться особая концепция «знания», противопоставляющая себя «направлениям буржуазной философии» как единственно истинное «учение марксизма-ленинизма», которое предполагало «ведать», т.е. руководить всеми науками. В этот период возникло множество аналогичных «-ведений»: обществоведение, востоковедение, пушкиноведение и т.п. Такого рода «ведение» религией предполагало конструирование эссенциалистского определения «сущности религии» как «извращенного отражения в головах людей господствующих над ними сил» и разработку практических форм «преодоления» соответствующих «предрассудков», тормозивших «строительство коммунистического завтра». Известность приобрела дискуссия о сущности религии в журнале «Советская этнография» (1979-1981), которая выявила противостояние научных (этнографических) и идеологических интерпретаций.

В конце XX века в России сложились как очевидный «плюрализм религий» (сосуществуют тысячи только официально зарегистрированных религиозных объединений), так и «проправославный консенсус», т.е. массовое представление о том, что «единственно подлинной религией» является Русская Православная Церковь, которой противостоят бесчисленные «тоталитарные секты», «воинствующие атеисты», «толерасты» и «псевдорелигии», мешающие гражданам России приобщиться к вечности в священном космосе, уникальному единству Красоты, Истины и Блага,

универсальной, легитимной, величественной, сильной и яркой форме подлинного благочестия.

В современной отечественной «науке о религии» наметились как «православно-ориентированные», так и «конфессиональные» исследования, наблюдается интерес как к советским материалам и самому «советскому феномену», так и к идеалам «допетровской Руси», наряду с которыми встает и проблема поиска «непредвзятого языка», способного описать любой «религиозный феномен» в универсальных терминах, понятных в любом научном сообществе в любой точке мира, что предполагает восстановление глубокой интеграции с международным сообществом, как это было до 1917 года.

Результатом всех этих противоречивых процессов является то, что в интернете под термином «религиоведение» может подразумеваться, по меньшей мере, три подхода к пониманию «знания о религии»:

- эксклюзивно уникальное фундаментальное «ведение религией» («истинно-конфессиональное богословие»);
- «неконфессиональное» научно-академическое описание и обобщение эмпирических аспектов «религий» как личностного и социального феномена;
- «философско-диалогическое» прояснение личностных и социальных аспектов религии как «надзирания за неизвестным», тайны бытия индивида в мире, где относительны, хотя и важны «рубрики» новых «ревнителей истины» на «верующих» и «неверующих», приверженцев конфессий или светских гуманистических идеалов.

Фундаментальное «ведение религией» считается эксклюзивно способным научить индивида истинному «поведению» («спасению»), т.е. общению с «таинственным», Богом, Сакральным или Трансцендентным, подобно тому как «природоведение» учит правильному обращению с природой. Такая позиция предполагает абсолютную ценность и значимость только одной – конфессиональной (юрисдикционной) - системы

миропонимания, ибо Истина – одна, т.е., соответственно, религиоведение здесь понимается спасительно-мистически, отождествляясь с «истинным богословием», апологетикой своего учения и яростной критикой всего «иногo». "Религиовед" видится здесь как "пророк", "мессия", миссионер или священник, умеющий отсекал истинное от ложного.

В этом контексте оппозиционное первому (юрисдикционно-конфессиональному, охранительному) «неконфессиональное» (недоктринальное) понимание религии формируются еще в самом христианстве. Так, к примеру, А.Кураев писал, что «древнейшие православные святые считали “христианами до Христа” праведных язычников-философов», к примеру, Сократа, т.е. всех тех, кто «искал Единого Бога». В этом случае «ведение» понимается уже не как способ постижения «Единственной Истины», но как значительно более скромное, непритязательное и самокритичное теологическое или научно-философское, рациональное описание и обобщение конкретного многообразия социальных феноменов, относимых к сфере «религиозных», где важнейшим требованием к исследователю становится его профессионализм, начинающийся с беспристрастности, «академической объективности» и «эмпатии» к предмету исследования. Религиовед здесь понимается как интеллигент любой конфессиональной принадлежности или светского мировоззрения (агностик, релятивист, деист, атеист и т.п.). Такой подход порой встречает неприятие со стороны ряда представителей первого направления, рассматривающих светское религиоведение как «квазитеологию» или «сектозащитников».

Ю.А. Кимелев охарактеризовал религиоведение как «метатеологию» в силу ее неразрывной связи с анализом теологических утверждений. А.В.Михайлов отмечал, что даже «заведомо атеистическая», вообще «любая серьезная философская мысль заключает в себе теологические импликации» и в этом смысле она всегда есть «известное богословие». Данный подход ведет к третьей, "диалогической" методологии. Здесь принципиально принимается религия как «вещь в себе», как то, что слишком богато и многообразно по

своему характеру, чтобы возможно было надеяться на некий исчерпывающий и окончательный анализ.

Словосочетание «академическое религиоведение» (введено, насколько автору известно, украинскими коллегами в начале XXI века) выступает как удачное наименование «поля дебатов» профессионалов по существенным вопросам с «академических» позиций, дифференцируемых от «народных» и «конфессиоцентричных» интерпретаций.